

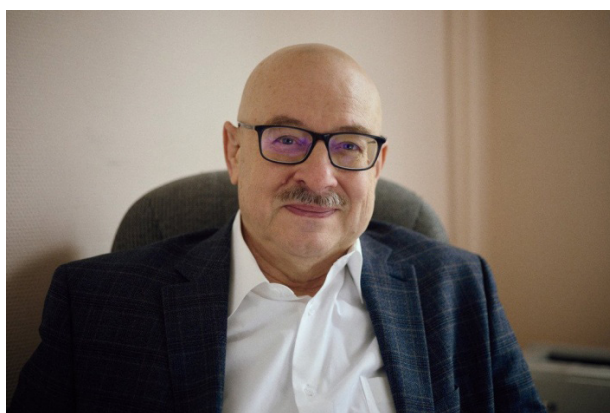
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.1
EDN: CSEWNW

К юбилею М.Ф. Черныша

Редколлегия и редакция «Социологического журнала» сердечно поздравляют члена-корреспондента РАН, доктора социологических наук, члена редколлегии «Социологического журнала» Михаила Федоровича Черныша с 70-летием, которое отмечалось 26 августа¹. Михаил Федорович — не только член редколлегии, но и один из наших постоянных и любимых авторов. М.Ф. Черныш придерживается принципов публичной социологии. По его словам, задача социологов — «привносить порядок в хаос». В сфере его научных интересов — настоящее и будущее России, адаптация россиян к социокультурным переменам постсоветских десятилетий. По мнению Михаила Федоровича, это невозможно сделать, не изучив феномен формирования и структуру исторической памяти россиян. Этим вопросам и посвящается публикуемая статья юбиляра². Желаем Михаилу Федоровичу крепкого здоровья и осуществления всех творческих планов!

М.Ф. ЧЕРНЫШ

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

¹ Коллеги по ФНИСЦ РАН подготовили специальную страницу к юбилею Михаила Федоровича, где подробно описаны его научная биография, творческие достижения и организационная деятельность, выложены фотографии: <https://www.chernysh.fnisc.info/>

² По просьбе редакции автор сделал перевод своей статьи “Collective Memory, its Structure and its Cultural Antecedents”, вышедшей в сборнике “Collective Memories in War” (London: Routledge, 2016). На русском языке статья публикуется впервые.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ, ЕЕ СТРУКТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Аннотация. В статье рассматриваются феномен коллективной памяти, процессы ее формирования, роль разных акторов в этих процессах. Отмечается, что коллективная память представляет собой амбивалентное явление, соединяющее, с одной стороны, индивидуальные воспоминания, а с другой — эффекты политического и культурного воздействия, осуществляемого ключевыми социальными акторами. Значительный вклад в закрепление коллективной памяти вносят продукты языковой игры — языковые тропы, рождающие метафоры, гиперболы, метонимические образования и устойчивые мемы. Тропы суммируют оценки прошлого, закрепляя их и одновременно привнося в них моральное измерение. Коллективная память тесным образом связана с исторической памятью, которая целенаправленно формируется усилиями институциональных акторов в рамках политики меморизации, в экспозициях музеев, памятниках, учебниках истории, популярных медиа. Политика в области памяти не может обходить стороной индивидуальный опыт, агрегируемый коллективной памятью. В некоторых случаях коллективная память создает собственные защитные механизмы, помогающие преодолевать последствия общественных катаклизмов. Этой цели служат защитные механизмы вытеснения, выводящие за рамки памяти травмирующие события, или механизмы проекции, выводящие обсуждаемые события за пределы ответственного поведения нынешних поколений. Нарративы коллективной памяти формируются психоконструкциями — устойчивыми фреймами, наполняющими прошедшие события смыслами и ценностным содержанием. Одним из ключевых акторов, влияющих на коллективную память, является историческая наука, сообщества профессиональных историков, предлагающих собственные — как правило, нюансированные — оценки событий прошлого. На основе коллективной памяти формируются идентичности, включая идентичности гражданские и этнические.

Ключевые слова: коллективная память; историческая память; «языковая игра»; языковые тропы; психоконструкции общественного сознания.

Для цитирования: Черныш М.Ф. Коллективная память, ее структура и культурные предпосылки // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 9–23. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.1 EDN: CSEWNW

Коллективная и индивидуальная память

В социологии коллективная память рассматривается прежде всего как феномен общественного сознания. В отличие от исторической науки, коллективная память не содержит истинного знания о событиях прошлого, а сводится к массовым представлениям о нем. Она также суммирует индивидуальные представления о событиях прошлого, однако при этом не может быть редуцирована к индивидуальному сознанию, от которого ее отличают следующие характеристики:

1. Коллективная память — это комплекс представлений, которые агрегируют жизненный опыт множества людей, становящихся участниками или наблюдателями каких-либо масштабных исторических событий. На коллективную память стремятся влиять и влияют институциональные акторы: государства, общественные

организации, средства массовой информации, а также те, кого принято называть лидерами общественного мнения. Люди сохраняют память о событиях, свидетелями которых становились на протяжении своей жизни, но далеко не весь объем знаний и опыт могут передать следующим поколениям. В традиционном обществе память о прошлом сохранялась благодаря самым важным ее носителям — людям старшего поколения. Как отмечают в своей книге «Культура и мысль» М. Скрибнер и С. Коул, «в гипотезе об особенностях памяти в обществах, не имеющих письменности, подчеркиваются те особые способы и средства запоминания, которые должны были выработаться в этих культурах для передачи информации от поколения к поколению. “Мудрость стариков” может сохраниться только в памяти живых — нет книг, в которых можно было бы ее почерпнуть. Поэтому информация, которую члены общества сохраняют в своей памяти, является достоянием всего общества» [3, с. 172]. Для сохранения знания о прошлом традиционные общества выработали особые механизмы и, в частности, такую форму передачи информации, как эпическая поэма. Поэмы включали рифмы, ритм, повторы, способствующие запоминанию. Поэма не была точным изложением событий прошлого. Поэтический жанр диктовал свои условия изложения и подразумевал нравоучительные акценты, образцы героического поведения и падения, гиперболу, вмешательство высших сил, помогающих героям добиваться победы и ниспровергающих зло. В художественной, назидательной форме события прошлого откладывались в памяти лучше и наряду с первичной задачей запоминания выполняли этическую функцию. Память о прошлом соединялась с нравственной рефлексией, необходимостью располагать события в координатах добра и зла. В современном обществе мифологическая составляющая по-прежнему присутствует в коллективной памяти, ее значимость сохраняется, но форма и функция стали другими. В большей степени, чем прежде, мифы о прошлом конструируются не только и не столько очевидцами описываемых событий, сколько институциональными акторами. Вследствие этого в современном историческом нарративе весомо представлены социальные интересы упомянутых акторов, прежде всего интерес государства.

2. Коллективные представления охватывают не только те периоды истории, которые наблюдает индивид и в которых он действует, но и события, относящиеся к отдаленному прошлому, включая события древней или новой истории. Чем дальше события, тем большую роль в формировании представлений о них играют институты. В какой-то момент коллективная память уступает место памяти исторической, воплощенной в музейных коллекциях, памятниках, школьных учебниках, трудах историков. Речь идет о семантической памяти, инкорпорирующей опосредованное знание, которое приобретает, как правило, через письменные источники и репродуцируется в институциональных контекстах, например системой образования. Сказанное в полной мере относится к нарративам о Великой Отечественной войне советского народа. Сразу после войны государство, памятуя о неисцеленных психологических травмах, связанных с ее началом, конструировало нарративы, смягчающие боль от первоначальных поражений и огромных потерь среди гражданского населения. В послевоенной пропаганде преобладали темы победного характера: стойкость и героизм вооруженных сил, неизбежность поражения врага, моральное превосходство советских воинов над нацистскими захватчиками. Позже, в период «оттепели», представления о войне как о марше к победе сменились другими описа-

ниями. На передний план вышла «правда о войне» — детали неподготовленности армии и ее столкновений с яростным врагом, тяжелые потери, понесенные советскими войсками в первые месяцы войны, и жертвы среди гражданского населения. Только в 1960-х гг. была установлена общая численность потерь, которая существенно отличалась от первоначальных цифр. «Правда о войне» стала востребована потому, что прежняя пропагандистская версия не соответствовала собственному опыту ветеранов и гражданского населения, которые знали без всяких слухов и сплетен, какой была реальная цена Великой Победы. Яркими событиями в области культуры стали фильмы «Летят журавли» Михаила Колотозова, заверченный в 1957 г., получивший Золотую пальмовую ветвь Каннского фестиваля, «Живые и мертвые» Александра Столпера, экранизовавшего роман-эпопею писателя Константина Симонова. С самого начала войны Симонов находился на фронте в качестве военного корреспондента и был очевидцем событий, которые отразил в своем произведении, а затем и в сценарии фильма.

3. Как уже говорилось выше, коллективная память сейчас, как и прежде, переформируется этическим дискурсом, общими представлениями о добре и зле, добрых и злых силах в истории, исторических приобретениях и потерях. Как продемонстрировано в экспериментах, проведенных С. Скрибнер, процесс запоминания базируется на процедуре категоризации запоминаемых объектов. Чем выше уровень развития общества, чем более развиты в нем институты образования, тем более универсальной становится категоризация [3, с. 202]. Иными словами, запоминание все чаще происходит в рамках категориальной структуры, которая производится институтами. Индивид, прошедший социализацию в обществе модерна, изначально не свободен от общих категорий, обеспечивающих трактовку исторических событий. Оценивая их, он использует знакомые ему стандартные описания. Реальные события укладываются в этические фреймы, в которых они систематически подвергаются реинтерпретации наравне с текущим состоянием общества и предпочтениями институциональных акторов. Исходя из этого можно говорить о том, что формирование коллективной памяти — это непрерывный, не имеющий конца процесс, в котором этические акценты определяются задающими их институтами. В результате далеко не редкостью становится ситуация, когда события, воспринимавшиеся со знаком «плюс» в прошлом, получают впоследствии в массовом сознании противоположную оценку. И напротив, события, оцененные в прошлом как несущие зло, приобретают в новейшем контексте положительный модус. Таким образом, в историческом контексте представления о добре и зле в истории могут изменяться в широких пределах и определяться конкретной социальной и политической ситуацией, в которой производится оценка.

Коллективная память как «языковая игра»

Как феномен культуры коллективная память может быть охарактеризована в категориях «языковой игры». Исторические события получают значение в процессе именования. Святополк *Окаянный* оценивается как лицо, совершившее злые деяния, даже для тех граждан, которые ничего не знают об исторической подоплеке подобных суждений, а также об источниках, продвигающих данную точку зре-

ния. Именованье, подчиняющееся давлению этического дискурса, нередко идет вразрез с мнениями историков, старающихся по возможности удаляться от необходимости выставлять однозначные оценки. По мнению некоторых влиятельных историков, князь Святополк не совершал тех преступлений, которые ему приписывала молва [2]. Второй похожий пример — это преступления Бориса Годунова. Профессиональные историки сходятся в том, что его напрасно обвиняли в гибели царского наследника [6]. Подобные обвинения использовались современниками как аргумент в большой властной игре того времени, однако последующий процесс именования закрепил за Годуновым статус властолюбивого детоубийцы. «Языковая игра» оказывается зачастую более важным фактором формирования коллективных представлений о прошлом, чем индивидуальные воспоминания. Коллективные представления и индивидуальная память противостоят друг другу как фрагментарная и целостная картины. Большинство индивидуальных наблюдателей или участников событий прошлого примут тот аргумент, что их точка зрения, их собственный взгляд являются по определению ограниченными, фрагментарными, локализованными во времени и пространстве. Одиночный наблюдатель противостоит в этом смысле наблюдателю коллективному, способному не только обобщить индивидуальные опыты, но и создать общую картину происходившего.

В структуре коллективной памяти важную роль играют языковые тропы. Кратко, в жесткой форме они суммируют оценку исторических событий, наделяя устойчивыми характеристиками ключевых персонажей, определявших их течение, расставляя акценты. В выражении «врет, как Троцкий» раскрывается отношение к одному из политических деятелей советской эпохи и через это отношение — косвенно к тому персонажу, который таким образом представляется. Если 90-е гг. XX в. характеризуются как «лихие», то в этом заключается суммирование событий того времени — развала государства, хаоса, преступного беспредела, которые наступили после распада СССР. Попытка вывести события того времени за рамки этой устойчивой оценки не имели и не будут иметь успеха. И это потому, что названные характеристики имеют в основании коллективный отрицательный опыт людей, испытавших на себе последствия «шоковой терапии» и событий, которые за ней последовали.

«Языковая игра» и политический интерес

Коллективная память является инструментом политической игры, а потому несвободна от влияния политиков и ангажированных средств массовой информации. В зависимости от текущих политических приоритетов те или иные события или их последствия будут актуализироваться, меняя по ходу дела коллективные представления о прошлом. Вместе с тем было бы неверно редуцировать коллективную память только к политике и свойственным ей манипуляциям. Другие субъекты, участвующие в формировании коллективной памяти, обладают собственными социальными интересами. В некоторых случаях они осознаются и становятся конкретной политической программой, в других обладают свойством латентности, но даже в этом «спящем» состоянии могут провоцировать «иммунную» реакцию на некоторые интерпретации событий прошлого. В этом случае работает так называемый «социальный инстинкт», задающий сетку стереотипов, ограничивающих

подвижность границ оценки. Данный «инстинкт» имеет социальную природу и направлен на сохранение социального порядка, отторгая все то, что провоцирует дезорганизацию общественной жизни. Именно в этой точке сходятся интересы значительной части граждан и институциональных акторов, предлагающих позитивный национальный исторический нарратив. Политическая игра, направленная на пересмотр традиционных представлений о прошлом, сталкивается с негативной реакцией, неосознанным стремлением сохранить сакральный фундамент, консолидирующий общество в целом или хотя бы некоторые его сегменты. «Инстинкт» работает до той поры, пока общество сохраняет такие формы самореференции, которые полагают его как целостность. Проблема в том — об этом говорит в своей статье французский социолог А. Тьесс [7], — что современное общество все реже воспринимает себя как целостность и все чаще продуцирует смыслы, либо расширяющие его границы (например, Европа), либо, напротив, делящие его на фрагменты, которые производят собственные исторические нарративы. Очевидно, что в рамках разных исторических нарративов игра наименований будет разной: в одном случае подчеркивается значимость победы над традиционным врагом, в другом — трагизм событий прошлого, а также жестокость врага и мученичество национальных героев. Конфликты в интерпретации прошлого иллюстрируются сложившимся в обществе противоречивым отношением к досоветскому и постсоветскому периодам. Те, кого с известной долей условности можно назвать советскими гражданами, свято верят в то, что Советский Союз был государством для «рядового, рабочего человека», мощной державой, обладавшей огромной индустриальной силой и настоящим суверенитетом. Критики этой позиции рассматривают советский период как время потерь, разрушения культурного фундамента, помогавшего России выживать в самые сложные времена. Для одних дореволюционная Россия — это страна, в которой большинство населения не знало грамоты, жилища покрывались соломенными крышами, а восемь из десяти рожденных детей умирали от болезней и невежества родителей. Для других досоветская Россия — это тысячелетняя империя, развитие которой было остановлено левыми радикалами.

Современная российская политика также регулярно сталкивается с дилеммой выбора между разными интерпретациями прошлого. Именно поэтому общий, объединяющий исторический нарратив концентрируется вокруг событий, обладающих одинаковой значимостью для разных культур. К числу объединяющих событий относится, в частности, победа СССР в Великой Отечественной войне. В российском политическом классе осознается значимость этого события как объединяющего не только народы современной России, но и — в более широком геополитическом контексте — народы бывшего СССР. Неслучайно сакральность Великой Победы охраняется государственными актами и специальными органами, призванными противодействовать любым искажениям истории.

Коллективная память и защитные механизмы психики

Огромную роль в формировании коллективных представлений о прошлом играют так называемые защитные механизмы, свойственные как индивидуальному, так и массовому сознанию. Н. Смелзер отметил, что в некоторых случаях не только

отдельный человек, но и большие социальные агрегаты демонстрируют склонность к «защитным» интерпретациям болезненных моментов истории [14]. Иногда травмы прошлого вытесняются из массового сознания, вычеркиваются из коллективной истории потому, что любое воспоминание о них с необходимостью влечет за собой целый шлейф негативных последствий для настоящего. А. Тьесс полагает, что коллективная память французов крайне неохотно интегрирует в себя историю насилия над народами колониальных государств [7]. Французское правительство, к примеру, последовательно реализует политику, направленную на преуменьшение значения насильственной колонизации. Полному вытеснению этих событий из памяти препятствуют меньшинства, заинтересованные в получении компенсации за ущерб, нанесенный колониям в ходе жестокого порабощения. В современной России тяжелые травмы, которые нанесли стране и обществу неудачные, разрушительные реформы, усиливают ностальгию по советской эпохе, отмеченной, как полагают многие, выдающимися достижениями — победой в Великой Отечественной войне, бесспорными успехами в области науки и технологий, социальной политикой, направленной на развитие образования и здравоохранения. Современная Россия, получившая независимость после распада СССР, являющаяся, по сути, его живым отрицанием, обретает смысл своего существования — и чем дальше, тем больше — в наследовании советских «капиталов» — экономического, социального и культурного. В коллективной памяти «травма распада» компенсируется гордостью былыми успехами, иногда настоящими, а иногда и вымышленными.

Второй из защитных механизмов, срабатывающих в тех случаях, когда общество сталкивается с травматическими эпизодами своей истории, определяется Смелзером как проекция. Как правило, проявлением этого механизма становится оправдательная стратегия, в рамках которой недавние события выводятся в далекое прошлое или же вписываются в более широкий контекст, воспроизводящий замкнутый цикл причин и следствий. Негативные последствия реформ объясняются не столько порочными политическими практиками или существующей конфигурацией социальных институтов, сколько событиями далекого прошлого, затрудняющими переход к более высокой стадии модерна. В подобной объяснительной стратегии более всего заинтересован политический класс, взявший курс на реформы социальной сферы и экономики. Как не без оснований утверждал Ж. Делёз, современное общество лишь в редкие моменты способно продуцировать общие дискурсы и большие исторические нарративы. Разные социальные группы — классы, этносы или территориальные общности — конструируют различные образы национальной истории, по-разному расставляют в ней акценты. По мнению Делёза, истинная суть капитализма раскрывается во множестве течений, дискурсов, нарративов [10]. Капиталистическое общество сталкивается с шизофренической ситуацией, пытаясь примирить разные, порой противоположные, по выражению Делёза, течения. В подобной ситуации речь может идти только о сравнимой влиятельности разных нарративов, об их соответствии текущей конфигурации социальных и политических интересов. Юрген Хабермас полагает, что надежда на сохранение социального порядка связана с пересечением разных дискурсов и нарративов, присутствием в них общего гуманистического начала. Необходимы площадки, на которых возможны выработка единого отношения к прошлому, выделение из отдельных этнонациональных нарративов общей со-

ставляющей, подчеркивающей необходимость, с одной стороны, сплоченности, а с другой — движения к более гуманному, понимающему обществу, в котором естественные разногласия побеждаются общими интересами [8].

Коллективная память и структура идентичности

Коллективная память хотя и не тождественна идентичности субъекта, но тем не менее связана с ней как одно из ее оснований. Характеризуя данное измерение идентичности, Г. Люббе ввел в оборот особый термин «историческая идентичность». «Можно, — утверждал он, — конечно, спросить, почему для обозначения идентичности субъекта недостаточно синхронного описания его сегодняшнего поведения и действий? Почему, чтобы узнать других людей, мы рассказываем их истории, тогда как, по крайней мере для практических целей, было бы достаточно уметь обоюдным образом правильно оценить поведение и узнать намерения? На этот вопрос можно ответить так: то, что хотят и делают другие, лишь частично опирается на тот опыт, те представления о действительности и оценки ситуаций, которые мы с ними разделяем, и только в этой части мы можем установить рациональность их желаний и поступков в горизонте настоящего времени. В другой своей части желания и действия людей остаются непонятными для нашего синхронного рассмотрения, — в той степени, в какой другие люди опираются на свой прежний опыт, унаследованные представления о действительности и однажды сформулированные оценки ситуаций, которые мы, вышедшие из другого прошлого, не разделяем или больше не разделяем» [4, с. 108]. Иными словами, проблема не в том, что социальные субъекты имеют разное прошлое, а в том, что они опираются на возникшие в результате этого опыта системы представлений, когда мыслят о себе сегодня, порождая недопонимание и «непрозрачность» своих действий для других, даже при условии, что те находятся с ними в одном и том же историческом времени. Только изучив представления о прошлом, свойственные субъекту, мы можем понять происхождение его идентичности и ее саму в полной мере. Горизонт прошлого в латентной форме присутствует в структуре идентичности наряду с культурными компонентами, относящимися к современному состоянию. Мифологизированные представления о прошлом лежат в основе гражданской, этнической и территориальной идентичности, способствуют как групповой, так и социальной (на уровне общества) консолидации.

Л. Гринфельд различает несколько видов национализма, напрямую сопряженных с коллективными представлениями о прошлом [12]. Американский национализм, раскрываемый в сильной идентификации большинства американского населения со своей страной, имеет, по мнению Гринфельд, гражданские, универсальные основания. Американцы привыкли рассматривать свою страну как «обетованную землю» для иммигрантов, людей любого происхождения, любого цвета кожи, ищущих варианты социального продвижения. Схожие параметры имеет национальная идентичность англичан: историю своей страны они рассматривают как нарратив становления современной демократии. Немецкую идентичность Гринфельд рассматривает как этнически ориентированную: ее горизонт прошлого связан с противопоставлением окружающим народам, закрытостью и чувством

превосходства над окружающими. Речь идет, разумеется, об идентичности в ее историческом измерении. Похожие выводы Гринфельд делает в отношении российской идентичности. Последняя, с ее точки зрения, складывалась в результате войн и конфликтов с окружающими государствами, побуждающими к автаркии, закрытости от внешних влияний, стремлению к сильной власти, которая могла бы обеспечить режим закрытости. В российской коллективной памяти избирательно культивировались и продолжают культивироваться комплексы, ориентированные на противостояние с внешним миром. Можно спорить с некоторыми выводами Гринфельд, ее взгляды во многом определялись юношеским опытом эмиграции из СССР. Однако нельзя не признать актуальным ее вывод о том, что коллективные представления о прошлом лежат в основании современной российской идентичности, а процесс индивидуализации прошлого (по Люббе) работает на фрагментацию общих оснований.

Аналогичные взгляды на идентичность и ее реальные основания свойственны другим представителям примордиалистской школы исследования современных национальных идентичностей. В частности, Э. Смит, один из ее основателей, подчеркивает, что память о прошлом является тем фундаментом, который способствует воспроизводству и сохранению национальных и этнических идентичностей: «В современном мире разделение культурных идентичностей и политики имеет под собой гораздо больше оснований, чем в прошлом. Джон Бройи, как мы видели, желал ограничить термин “национализм” только политическим движением. Эрик Хобсбаум также утверждает, что единственное, чем национализм может интересовать историка, — это политические устремления и его способность к сотворению государства. Но, как мы видели, подобное употребление термина является неоправданно узким. Оно упускает из виду другие важные измерения национализма, такие как культура, идентичность и “родина”. Оно уделяет слишком мало внимания характеру того объекта, который лежит в основе националистических устремлений, — “народу”. В результате имеет место серьезная недооценка масштабов и влияния национализма и его этнических корней» [15, р. 177]. Смит предлагает разделить возможные национальные идентичности на политические и культурные. С его точки зрения, они могут соприкасаться и в определенных обстоятельствах подпитывать друг друга, но не могут рассматриваться как тождественные, поскольку в основании одной лежит политический интерес, а в основании другой — культурные, традиционные ценности, включающие представления о прошлом, то есть коллективную память. Однако в реальности в обществе, ищущем собственную идентичность, политика и культура неизбежно пересекаются во многих точках, воображаемые сообщества конструируются и реконструируются с использованием элементов культуры и, в частности, представлений об исторических событиях. При этом власть стремится консолидировать общество и готова использовать для этих целей исторические комплексы, которые носит в себе массовое сознание. Таким образом, политическое и культурное, примордиальное и конструируемое сходятся в одних точках коллективной памяти. Государственная политика в области истории способна не только усилить общий нарратив в ущерб нарративам локальным или этническим, но и влиять на оценку событий, менять ранги значимости для разных событий национальной истории.

Психоконплексы коллективной памяти

В большинстве случаев коллективная память опирается на совокупность базовых психоконплексов, консолидирующих национальную или групповую идентичность. Психоконплексы — это укорененные в глубинах психики устойчивые фреймы, наполняющие события ценностным содержанием. Разные культуры воспроизводят разные конплексы, соотносящиеся с прошлым народа, его историческим нарративом. Так, американская культура содержит важный для американской идентичности конплекс «границы» (frontier). Граница — это та зона, в которой американское общество соприкасается с неопределенностью внешнего мира и где наиболее рельефно проявлены лучшие качества американского национального характера. «Фронтир» — это движение к горизонту, познание нового и нахождение в нем практических смыслов. С одной стороны, это территория свободы, где американский гражданин свободен от условностей привычной жизни, с другой — это та область, в которой разыгрывается мистерия рождения американских институтов, упорядочивающих жизненные практики. С. Эйзенштадт полагает, что американский исторический нарратив включает в качестве отправного пункта представление о современной Америке как сбывшейся утопии [11]. Это представление диктует общую направленность американского исторического нарратива как движения к свободе, развития, обретения друзей и победы над врагами. По мнению Эйзенштадта, европейское сознание питается иными психоконплексами, помещающими идеал за пределы сложившейся реальности. Необходимость двигаться к идеалу предполагает преодоление консерватизма, отказ от предрассудков, выбор направления развития, в котором представители разных социальных групп, слоев и сословий достигают большего равенства. Российскому общественному сознанию присущ конплекс жертвы, приносимой на алтарь общих достижений, а также конплекс осажденной крепости, защитники которой демонстрируют крайнюю степень самоотречения. Празднование победы в Великой Отечественной войне почти всегда сопровождается упоминанием огромных потерь, которые были понесены народом ради победы над врагом. Жертвенность бойцов и офицеров Советской армии, насмерть стоявших на пути вермахта, рассматривается как важнейшее основание будущих военных успехов. В ряду героических вех, определяющих нарратив войны, важнейшими стали события, в которых Советская армия демонстрировала стойкость сопротивления в закрытых ограниченных пространствах. Бойцы Брестской крепости сражались до последнего, практически без какой-либо надежды получить помощь со стороны отступающей Красной Армии. Непреступными цитаделями стали блокадный Ленинград, осажденная Москва и Сталинград. В военном дискурсе наступательные операции хотя и важны, но все же не имеют статус «переломных», главных, повествующих о стойкости, жертвенности, обращенной в победу.

Национальные психоконплексы проявлены не только в историческом нарративе, но и в произведениях искусства, повествующих о событиях прошлого. Получивший высокие оценки фильм Федора Бондарчука «9 рота» воспроизводит их в полной мере. Несмотря на то что именно Советская армия была в конфликте активной стороной, в фильме советские солдаты представлены в антураже осажденной крепости — форпоста, который отчаянно атакуют боевики-джихадисты. В реальных событиях, которые вдохновили сценаристов, потери оборонявшейся

роты десантников составляли менее десятка человек, в фильме же гибнут почти все солдаты девятой роты, кроме одного. Воспроизводится комплекс жертвенности: солдаты ценой своей жизни спасают от огня выходящие из Афганистана колонны советских войск. В этом случае жертвенность оказывается бессмысленной. Выясняется, что войска выводились по другим маршрутам, а девятая рота погибла лишь потому, что о ней в суматохе вывода войск просто забыли. Отсутствие практического смысла лишь подчеркивает очищенную от корысти или всякой инструментальности жертвенность бойцов. В фильме настойчивым лейтмотивом звучит тема, противопоставляющая бюрократическую логику принятия решений и мужество рядовых солдат и офицеров, понимающих, что на них лежит груз ответственности за товарищей и пославшую их воевать страну. Лишенная инструментальности жертвенность неведомыми, мистическими путями становится условием будущих побед. Таким образом, национальные психоконфликты, формирующие структуру идентичности, оказываются связующим звеном между прошлым и будущим, поводом для печали и надежды на то, что стойкость, мужество и воля солдат станут фундаментом для будущего, сохранят жизни мирных граждан, которым угрожает безжалостный враг.

Коллективная память и историческая наука

Значительное влияние на процесс формирования коллективных представлений о прошлом оказывают профессиональные историки. Рядовой гражданин, даже если он интересуется отечественной или зарубежной историей, не в состоянии судить о допустимости, обоснованности или надежности исторических исследований. Одним из ярких доказательств этого является широкое распространение так называемых альтернативных исторических проектов, получающих немалую поддержку в среде рядовых читателей. Незначительных расхождений в сведениях, приводимых первоисточниками, оказалось достаточно Н. Фоменко для того, чтобы выдвинуть собственную парадигму исторической науки, в которой знание, генерируемое традиционной наукой, фальсифицируется, а вместо нее предлагается эрзац из домыслов и спекуляций [5]. Целевой группой проекта альтернативной истории являются отнюдь не профессиональные историки, которых непросто ввести в заблуждение подобными манипуляциями, а носители исторической «доксы» — рядовые граждане, приветствующие ниспровержение исторических традиций, особенно если в новой парадигме они могут претендовать на более высокий культурный статус. В этом случае нестандартный взгляд на историю ориентирован на слабо информированного потребителя, на рядового гражданина, который в исторической «альтернативе» видит перспективы ревизии не только прошлого, но и связанного с ним настоящего.

Профессиональные историки воздействуют на коллективные представления о событиях прошлого тремя способами. Во-первых, они влияют на преподавание истории в школе. В работах английского психолога Ф. Бартлетта доказывалось, что школьное образование — это один из немногих способов адаптации ребенка к модерну [9]. Психологические исследования доказали, что дети, не ходившие в школу, адекватно справляются с решением простых жизненных задач, базирующихся на каждодневном опыте. Однако они так и не выходят на уровень мыш-

ления, позволяющий оперировать абстракциями. Первобытное мышление, если использовать словарь французского философа и антрополога Л. Леви-Брюля, — это в первую очередь способность к решению практических задач, которые ставит повседневная жизнь [13]. Природа современного общества такова, что полноценно функционировать в нем может только тот, кто имеет способность выходить за границы повседневности — ощущать себя частью большой целостности, иметь представления о гражданстве, правах и обязанностях, связанных с ними. Коллективная память — это уровень знаний о мире, свойственный прежде всего обществу модерна. Ребенок должен научиться размышлять о стране и обществе, в котором он живет, как о реальности, развернутой в истории, как о совокупности событий, складывающихся в общий нарратив. Многие из тех событий или явлений, которые обсуждаются в курсе истории, — абстракции для современного человека. Рабовладение, крепостное право, монархия, войны, славные победы и поражения — все это сегодня для ребенка является понятиями, не укорененными в реальной жизни. Для того, чтобы ребенок мог научиться адекватно оперировать этими политическими и экономическими абстракциями, его вниманию предлагаются учебники, подготовленные профессиональными историками, а сам курс обучения сопровождают преподаватели истории — профессионалы, стимулирующие историческую рефлексию, задающие стандарты размышлений не только о вчера, но и о сегодня. Не только государство, но и общество в лице родителей, гражданских организаций заинтересованы в том, чтобы уровень обучения соответствовал профессиональным стандартам, заданным исторической наукой.

Во-вторых, историки присутствуют как экспертная власть в средствах массовой информации. Газеты, журналы или другие медиа часто привлекают историков в качестве комментаторов по наиболее актуальным проблемам российской истории и современной жизни. Для СМИ участие историков в обсуждении важных для общества проблем — это, помимо всего прочего, еще и возможность проводить исторические параллели, а также выстраивать логику событий вплоть до сего дня. В средствах массовой информации историки зачастую выступают как носители определенных идеологий, якобы логически вытекающих из событий прошлого. В этом контексте историки становятся полноценными участниками процесса политического производства и воспроизводства. Для политических партий или социальных движений очень важно опираться на твердые исторические основания. Это означает, что, несмотря на дискуссионность и противоречивость, характерную для современной исторической науки, профессиональные историки будут и далее иметь возможность использовать СМИ для продвижения своих представлений о прошлом.

В-третьих, в некоторых случаях историки могут влиять на коллективную память посредством структурирования исторической тематики, выносимой в поле общественного обсуждения. Разумеется, не только историки принимают решение о том, какое, к примеру, событие чтить, а какое вычеркнуть из календаря значимых дат. Как правило, приоритетное право принимать подобные решения принадлежит государству. Однако историки, обладающие экспертной властью, способны влиять на государственные решения. Влияние экспертов, как это всегда бывает, лишено однозначности, потому что сами историки не являются консолидированной инстанцией. Это сообщество, как и другие сообщества профессионалов, поделено по самым разным основаниям — генерационному, идеологическому, институциональному. Некоторые историки убеждены в том, что необходим об-

щенациональный нарратив. Другие акцентируют частные или альтернативные нарративы, полагая необходимым ослабить общенациональные ценности в пользу ценностей меньшинств. Плюрализм позиций ослабляет влияние профессиональных историков на историческую политику государства или же позицию отдельных социальных групп. У государства появляется возможность из всего разнообразия позиций остановиться на той, которая в наибольшей степени соответствует его стремлению к консолидации. Отдельные культурные сообщества, объединяющиеся по этническому или иному принципу, выделяют из корпуса профессиональных историков тех, чья позиция в наибольшей степени отвечает их интересам. Подобные противоречия политизируют историческую науку, ей приходится защищать себя от активных, если не сказать агрессивных, попыток внешних по отношению к дисциплине сил влиять на нее. Для общественных наук эта ситуация не уникальна: разнообразие трактовок в любой из областей общественной науки плохо согласуется с необходимостью консолидированного нарратива.

Заключение

Коллективная память — это сложный, подвижный феномен общественно-го сознания. По своей природе она — продукт взаимодействия индивидуальной памяти и акторов, заинтересованных в усилении своего влияния на общество. В современном обществе коллективные представления о прошлом крайне редко являют собой гомогенное образование, включающее некие общепринятые универсалии. В большей степени память о прошлом походит на неоднородное поле, формируемое разными, зачастую конфликтующими нарративами. При всем этом коллективная память остается важной частью общенациональной культуры, ее значимость подчеркивается уже тем, что в ней не только раскрывается прошлое, но и расставляются ориентиры на будущее. Древняя истина гласит, что не знающий прошлого не имеет будущего. Правильнее, однако, было бы сказать: игнорирующий прошлое в тех формах, в которых оно бытует в массовом сознании, теряет возможность влиять на будущее, на важные изменения, происходящие в культуре.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). **Телефон:** +7 (495) 719-09-40. **Электронная почта:** chernysh@fnisc.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 9–23. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.1)

Research Article

MIKHAIL F. CHERNYSH¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

COLLECTIVE MEMORY, ITS STRUCTURE AND ITS CULTURAL ANTECEDENTS

Abstract. The article examines the phenomenon of collective memory, the processes of its formation, and the role of different actors in these processes. It is noted that collective memory is an ambivalent phenomenon that combines, on the one hand, individual memories, and, on the other hand, the effects of political and cultural influence carried out by key social actors. A significant contribution to the consolidation of collective memory is made by the products of the language game — language tropes that give rise to metaphors, hyperboles, metonymic formations, and stable memes. Tropes summarize assessments of the past, consolidating them and simultaneously introducing a moral dimension into them. Collective memory is closely related to historical memory, which is purposefully formed through the efforts of institutional actors within the framework of memorization policy, in museum expositions, monuments, history textbooks, and popular media. Memory policy cannot ignore individual experience aggregated by collective memory. In some cases, collective memory creates its own defense mechanisms that help overcome the consequences of social cataclysms. This goal is served by the protective mechanisms of repression, which take traumatic events beyond the memory, or by the mechanisms of projection, which take the events under discussion beyond the responsible behavior of current generations. Collective memory narratives are formatted by psychocomplexes — stable frames that fill past events with meanings and value content. One of the key actor's influencing collective memory is historical science, communities of professional historians offering their own, usually nuanced, assessments of past events. Identities, including civil and ethnic identities, are formed on the basis of collective memory.

Keywords: collective memory; historic memory; language game; language trope; psychocomplexes of mass consciousness.

For citation: Chernysh, M.F. Collective Memory, its Structure and its Cultural Antecedents. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 9–23. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.3.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.1)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail F. Chernysh — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). **Phone:** +7 (495) 719-09-40. **Email:** chernysh@fnisc.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. — 432 с.
Durkheim E. *On the Division of Social Labor*. Transl. from French by A.B. Hofman, notes by V.V. Sapov. Moscow: Kanon publ., 1996. 432 p.
2. Костромин К.А. Борисоглебская проблема: вопрос доверия источникам // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 55–70. EDN: OYLIXJ
Kostromin K.A. The Borisoglebsk Problem: The Question of Trust in Sources. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2011. No. 6. P. 55–70.
3. Коул М., Скрибнер С. Культура и мысль / Пер. с англ. П. Тульвисте; Под ред. и с предисл. А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. — 261 с.
Cole M., Scribner S. *Culture and Thought*. Transl. from Eng. by P. Tulviste; Ed. and foreword by A.R. Luria. Moscow: Progress publ., 1977. 261 p.
4. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.
Lubbe G. Historical Identity. *Voprosy filosofii*. 1994. No. 4. P. 94–113.
5. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Введение в новую хронологию (какой сейчас век?). М.: Крафтлин, 1999. — 488 с.
Nosovsky G.V., Fomenko A.T. *Introduction to the New Chronology (What Century is it now?)*. Moscow: Kraftlin publ., 1999. 488 p.

6. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Изд-во «Наука», 1978. — 192 с. EDN: [TRYALX](#)
Skrynnikov R.G. *Boris Godunov*. Moscow: Nauka publ., 1978. 192 p.
7. Тьесс А. Использование национальной истории в политических целях // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 92–104. EDN: [PBDSJD](#)
Tiess A. Using National History for Political Purposes. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2010. No. 1. P. 92–104.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю.С. Медведева; Под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. — 415 с.
Habermas J. *Involving the Other. Essays on Political Theory*. Transl. from Germ. by Yu.S. Medvedev; Ed. by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka publ., 2001. 415 p.
9. Bartlett F. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 137 p. DOI: [10.1017/CBO9780511759185](#)
10. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus. An Introduction to Schizoanalysis*. L.: Routledge, 1999. 161 p.
11. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Multiple Modernities*. Ed. by S.N. Eisenstadt. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. P. 1–28. DOI: [10.1163/9789047401735_004](#)
12. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 1994. 581 p.
13. Lévy-Bruhl L. *Primitive Mentality*. L.: Macmillan, 1923. 458 p.
14. Smelser N. *The Social Edges of Psychoanalysis*. Berkeley, CA: University of California Press, 1998. 263 p. DOI: [10.1525/9780520921375](#)
15. Smith A. *Nationalism and Modernism*. L.: Routledge, 1998. 270 p.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.09.2025; принята к публикации: 25.09.2025.

Received: 07.09.2025; revised after review: 15.09.2025; accepted for publication: 25.09.2025.